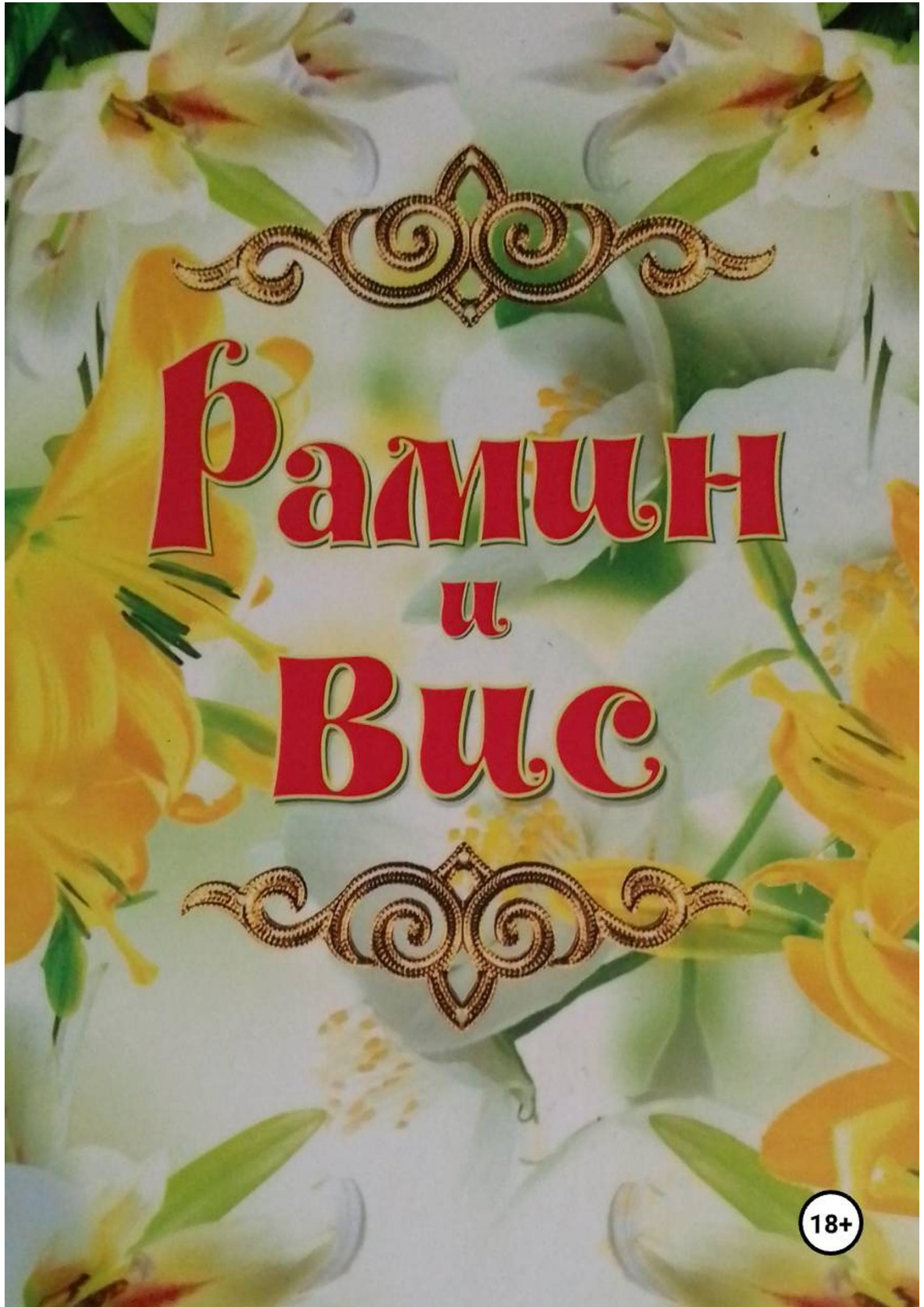

Рамми и Вис

18+

Сурияр Сварожич
Рамин и Вис

«Автор»

2026

Сварожич С.

Рамин и Вис / С. Сварожич — «Автор», 2026

Малоизвестный шедевр персидской литературы, один из первых ли-рико-эротических романов древности. Эта история рассказывает о трогательных взаимоотношениях в любовном треугольнике. Престарелый царь Моабад силой берёт в жёны юную красавицу Вис. Его младший брат, принц Рамин влюбляется в неё. Разворачиваются удивительные события с опасностью, ревностью, лукавством, завораживая читателя неожиданными, но до боли понятными ситуациями. Роман изобилует философскими рассуждениями о сути любви, воспевая нежные чувства и плотскую страсть. Однако в современной интерпретации присутствует сакральное пророчество о том, как будет меняться нынешний мир. Моабад получает эту весть свыше, становится основателем Храма Света и его первым жрецом. Книга намерено "развлекает" читателя, чтобы ловко приманить его к актуальной теме, поставив цель — преобразовать людское сознание, образ мышления для скорого появления Человека Нового, чем надеется позитивно повлиять на ход мировой истории.

© Сварожич С., 2026

© Автор, 2026

Сурияр Сварожич

Рамин и Вис

**Рамин
и
Вис**

**Версию книги в твердом переплете
можно приобрести у автора
т. +7 951 358 82 32**

**Любовно-эротический роман
персидской литературы
Неизвестный шедевр**

От автора

История о Вис и Рамине является древнейшим памятником персидской литературы. Впечатляет время создания романа (3-4 век). Он был написан в угоду династии Сасанидов, но после неё был объявлен запрещённой литературой. С развитием ислама эта поэма была осуждена законом шариата и на пять веков стала забыта. В 12 веке она перекочевала в грузинскую культуру и пополнила её литературное наследие под именем «Висрамиани». Этот роман «стоял особняком» в силу откровенно эротических сцен. К тому же, перейдя в другой народ, произведение утратило свою стихотворную форму и приняло прозаическую. Я всего лишь пересказал стихами русский перевод «Висрамиани», придав этой удивительной истории современный темп чтения, и приукрасил самую малость...

Изначально эта поэма жила в Персии на языке пехлеви. Кем написан шедевр изначально неизвестно. После долгого забвения, в середине 11 века она была переведена на новоперсидский язык (фарси). По поводу этого перевода А. Гвахария и М. Тодуа говорят в издании Тбилиси «Мерани» 1989 года: «Источники сохранили весьма скудные сведения об одном из первых персидских любовных романов «Вис и Рамин» и его авторе Фахреддине Горгани, который говорил так: «Этот древний увлекательный рассказ был сложен ещё на пехлевийском (среднеперсидском) языке, однако в наше время он непонятен. Пытались и другие мудрецы изложить эту повесть, однако не нашлось среди них достойного поэта. Я попытался очистить её от инородных слов и выражений, наполнить её мудростью и красотой».

Всё, что известно о Горгани, взято из самого текста поэмы (из пролога, который я не включил в эту книгу).

Когда сельджукский султан Тогрул-бек завоевал Исфаган в середине 11 века, он, оставив своего правителя и часть свиты в этом городе, продолжил поход на Багдад.

Среди оставшихся, находился молодой, но уже известный придворный поэт – Фахреддин Горгани. В один прекрасный день правитель Исфагана предложил поэту тему: «Переложи в стихи всем известную и любимую историю Вис и Рамина».

Дословно этот эпизод в прологе «Висрамиани» описывается так:

«...Однажды вазир встретил поэта, который ему весьма понравился. Ночью, сидя с ним за чашей вина, он спросил его: «Ведома ли тебе повесть о Вис и Рамине? Я давно хотел познакомиться с этой повестью и узнать об их судьбе». Поэт ответил: «Я её знаю. Это прекрасная повесть, рассказанная мудрыми людьми и записанная на языке пехлеви. Кто недостаточно вла-

деет этим языком, тот не сможет перевести её. Если ты мне велишь, я переведу её на персидский язык». Ибдал-Мелих Абу-Наср поблагодарил его и обещал ему награду. На что Фахреддин сказал: «Имена влюблённых – Рамина и Вис так прославлены по всей земле, что если я переведу и расскажу в звонких словах повесть об их любви, то имя моё тоже прославится»...

В 12 веке возрождённый роман был переведён с фарси на древнегрузинский язык. Его авторство традиция приписывает политическому деятелю СаргисуТмогвели, тому самому, который упоминается в эпилоге «Витязя в барсовой шкуре»...

По поводу перевода с древнегрузинского на русский язык А. Гвахария и М. Тодуа говорят: «Первый полный русский перевод «Висрамиани» принадлежит известному грузинскому языковеду, текстологу и лексикологу Соломону Иорданишвили (1898–1953). Впервые перевод был опубликован в 1949 году... Сам переводчик скромно отмечает: «Предлагая перевод «Висрамиани» советскому читателю, мы отнюдь не можем утверждать, что сумели передать всю сложную орнаментику стиля грузинской версии поэмы ФахреддинаГоргани. Хотя предполагаемый автор этой версии, грузинский поэт Саргис Тмогвели излагает поэму прозой, всё же его труд не уступает оригиналу в отношении образности, искусного использования метафорических фигур и эпитетов ... »».

Словом, это живописное произведение поразило меня своей красотой. Я не удержался и, буквально заворожённый, бросился

писать. Старалсяизложить поэмудо того увлекательно, что бы волшебным образом сократилось время от создания оригинала до наших дней. А читатель, оказался бы зачарованным очевидцем бурных событий далёкого прошлого и непременно почувствовал себя счастливым обывателем сказочной реальности!

ПРИЯТНОГО ЧТЕНИЯ!

Пусть повторяется из века в век:

«Кто не влюблён – ещё не человек».

Любовным сказом из глубин веков

До нас дошла премудрость этих слов.

Странная клятва

Жил некогда шах Моабад. Был велик.

Сверкал на монетах властителя лик.

Расчётливым разумом шах отличался.

Отважно в побоищах ратных сражался.

Врагов одолел он единым размахом.

Почтенье глубокое вместе со страхом,

Внимал повелитель на лицах людей,

Как взрослый читает глаза у детей.

Везде и повсюду считалось – никто

Не может ослушаться слова его.

Однажды владыка, на дружбу и мир,

Устроил доныне невиданный пир.

Устали от груза еды и ковров
Три сотни верблюдов и сотня слонов.

Разбиты шатры на лугу заливном,
Расставлены амфоры с лучшим вином.

Пред шахом пирует община царей
В красе своих жён и цвету дочерей.

Шах женщин любил. И порой не за труд,
А лишь за улыбку дарил изумруд.

С ним рядом – царица Шахро, что свой род
Собою из эпосов древних ведёт.

Она нежно шутит. Слегка, понемножку
Ласкается к шаху пушистою кошкой.
Шахро словно роза отцветшая, но
Её красоте нет помехи с того.

Устами шах к женскому уху склонился
И милой красавице в мыслях открылся:

«Доныне ты внешностью дивна, не скрою.
Знать, раньше улыбкой лишала покоя.

Томлюсь я душой, как в пустыне от жара.
Исполни желанье, избавь от пожара».

Мольбу шаха понял бы, даже, кто глух.
Стал ближе к устам шаха женщины слух.

«Шахро, как представляю – и чувствами таю.
На дочке твоей я жениться мечтаю.

Законы природы хранит небосвод.
От дивного дерева дивен и плод».

Чуть дрогнула женской беспечности крепость,
Но взор осторожный не выдал нелепость.

«О Царь всех царей, это славная весть.
Тебя зятем знать есть великая честь.

Но я сожалею. Без лишних речей
Поверь, не дарил мне Творец дочерей.

Коль Высшие силы возьмутся помочь,

Родится невеста – отдам тебе дочь».

Пройдёт много лет до намеченной жатвы.
Шах просит царицу о подписи клятвы.

Смешав густой мускус с цветочной водой,
Писец написал аккуратной рукой:

«Шакро замуж дочь не отдаст никому,
Но лишь Моабаду отдаст одному».

Папирус подписан с обеих сторон.
Печатью законною свиток скреплён.

Год быстро прошёл, унеся разговор,
Как странные речи скрепил договор.

Известие слушает шах Моабад.
Уж новость так новость! Владыка ей рад.

Шах просит вина, отменяя дела.
Шахро ему девочку в ночь родила.

Владыка мечтой сладострастной томимый,
Рабом её стался с душою ранимой.

Велит раздавать шах на улицах рис,
Народ поздравляя с рождением Вис.

Шахро её в рай Хозистана везёт,
Кормилице в руки дитё отдаёт.

Шёл слух по дворцу, мол, царица не прочь,
Чтоб там воспиталась и выросла дочь.

В ту пору, когда Моабад веселился,
В покоях дворца его братец родился.

С высот своих лет шаху видится сыном
Чудесный малыш, наречённый Рамином.

Младенца привозят в края Хозистана
Той самой кормилице царского сана.

Внимает наказу надёжная няня,
Чтоб дети выросли, друг друга не зная.

Во двух половинах большого дворца
Растут Рамин с Вис, под покровом Творца.

Одни мастера необъятной страны
Мальца обучают искусствам войны.

Малышку осанку прямую держать
Красавицы учат богиням под стать.

Кормилица строго запрет соблюдает.
То к ней, то к нему по дворцу пробегает.
Прошло много лет, как проходят недели.
И знатные дети почти повзрослели.

Вис стала такою красавицей, что
Мог счастье познать увидавший её.

Рамин вырос метким и ловким бойцом,
Смотрел на опасность спокойным лицом.

Шах видеть желает подросшего брата.
Послал в Хозистан он подарки и злато;

Велит повеленье исполнить стремглав –
Рамина забрать и доставить в Марав.

Торжественно юноша шаху представлен.
В слезах умиления праздник объявлен.

Кормилица пишет письмо в Хамиан.
Беспечной царице написано там:

«Шахро, расцвела твоя дочь, повзрослела.
До Вис тебе нету малейшего дела.

Боюсь за неё. Как не стала б она,
Не зная чувств семейных, гордыней больна.

Моя любовь к Вис не заменит ей мать.
Хочу пожалеть, а берусь баловать.

Даю платье жёлтое в нитях золотых.
Цвет этот, – она говорит, – для больных.

На розовый цвет возмущается властно:
«Для женщин порочных он! Это же ясно!».

А как отозвалась про синий покров:
«Цвет благопристойный, но только для вдов».

Не нравится ей ни еда, ни питьё.

Людей не сыскать, кто б утешил её».

Кормилица свиток даёт скороходу,
И тот отправляется сразу в дорогу.
Шахро удивилась, письмо прочитав.
Малышка вдруг выросла, девушкой став.

По-царски Шахро наградила гонца,
Велев в Хозистан отвести три ларца.

Для няни дары отправляет Шахро.
В одном ларце золото, в двух серебро;

Для Вис паланкин шлёт в камнях цветных
С прекрасною свитой рабынь молодых;

Шлёт всадников ей образцовый отряд
С наказом – стрелой возвращаться назад.

В мечтаньях покинула Вис Хозистан,
Приехала к матери в град Хамиан.

На гостью глядит восхищённая мать,
Не в силах от дочери взор оторвать.

Прекрасно лицо, изумительный стан.
Богиня с небес снизошла в Хамиан.

Шахро, нежно дунув девице в лицо,
Промолвила ей: «Чтоб не сглазил никто».

С мускатною амброй раздетую Вис
Массируют восемь прекрасных девиц.

Ладони скользят по изнеженной коже.
Прелестные бёдра обмякли на ложе.

Её облачают в роскошный наряд.
Мужчины при Вис говорят невпопад.

Шахро, улыбаясь, любит Вис,
Воистину видит Царицу цариц.

Высокая грудь, полукругом бедро.
«Созрела для свадьбы», – в уме у Шахро.

Достоин богини какой же жених? –
Мать ищет в возвышенных мыслях своих.
Про шаха не помня уже ничего,

Она, как во мраке, не видит его!

«О милая Вис, – обращается мать, –
Пришла пора замуж тебя выдавать.

Избранника лучше лихого Виро,
По здешним краям не найти никого.

Отец его был полководцем. Убит.
О нём царство светлую память хранит.

Каран, твой родитель, с ним крепко дружил.
Виро малолетнего усыновил.

Жена полководца, – вздохнула Шахро, –
За мужем ушла, то есть мама Виро.

Виро весь в отца – настоящий герой!
Он – принц! И к тому же приятен собой.

Когда в паланкине тебя привезли,
Виро у перил находился вблизи».

Тут вспомнила дева, как мимо прошла
Того, от кого колыхнулась душа.

И розою алой румянец возник.
Приятные мысли оставил тот миг.

Девичья стыдливость понятна Шахро.
Согласие чувствует мамы нутро.

Живущие жизнью планет и комет,
Пришли звездочёты к Шахро на совет.

Для свадьбы они вычисляют то время,
Что сделает сильным и почву, и семя.

Узнав день счастливый для Вис и Виро,
У трона чету обнимает Шахро.

Желая – не ведать в супружестве скуку,
Она ладонь Вис кладёт юноше в руку.

Надменная дева

День свадьбы настал. Вис надела венец.
Вельмож, знатных воинов полон дворец.

Столы в изобилии праздничных блюд;

Казённым вином угощается люд;

Весь город в цветах! В украшениях невеста!
Весельем рождается смех повсеместно!

Все жители празднуют! Гости пируют!
Где песни поют! Где красотки танцуют!

Ничто не сулило ни страха, ни горя.
Вдруг! Ветер на город набросился с моря.

Песок закрубился настолько густой,
Что солнце сокрылось за тёмною мглой.

И люди смешались. Не видят друг друга.
От сумрака пыли, от жути испуга

Они закрывают ладонями лица,
Не зная, где можно от бури укрыться.

Дождём морозящим песок оседает.
Дозор с башен точку вдали замечает.

И вот! Чёрный всадник к дворцовой стене
Приблизился вихрем на чёрном коне!

Он вестью dokonчит подпорченный пир,
Он – Зард. Средний брат Моабада. Вазир.

С коня не сходя, подаёт Зард письмо.
Печать золотую снимает Шахро.

Тревожно читает посланье царица.
О клятве нарушенной там говорится.

Лицо у Шахро исказилось от страха.
Она «слышит» голос сердитого шаха.

Не то угрожая, не то, дав совет,
Шах женщину просит исполнить обет!

И перед Всевышним душой не лукавить!
Невесту в Марав за неделю доставить.

Дрожащей рукой опуская письмо,
Шахро на себе зрит позора клеймо.

Поникла она, округлилась спина.
С прямою осанкой Вис, будто струна,

Разгневанно глядя на робкую мать,
Её за смущенье взялась упрекать:

«Что случилось с тобою? Подумаешь, шах!
Достоинству чуждо несчастье и крах».

Затем с грозным видом на Зарда глядя,
Вис бросила: «Кто ты?! Кто нанял тебя?!»

Он вымолвить слово ещё не успел,
Как Вис продолжала: «Да как ты посмел!

Явиться, как редкость и чудо какое!
Испортить нам всем настроенье благое!

А тот, кто послал тебя, он головой,
Как видится мне, размышляет пустой!

Ты разве не видел?! Пирует весь град.
Скорее, наглец, убирайся назад!»

Опешив от дерзости и оскорбления,
Не веря ушам, утаив удивленье,

Зард резко коня развернул на Марав,
Умчался стрелой, ничего не сказав.

Как только спокойней Шахро задышала,
Всю страшную правду невеста узнала.

Измученный ревностью и ожиданьем,
Шах вдаль устремлён. Угнетённый желаньем,

Он ходит по кругу, за сердце берётся.
Оно от мучений ускоренно бьётся.

Вдали замечает шах облачко пыли.
Надежды приятные боль притупили.

Сбегает по лестнице он впопыхах.
Бранится от мизерной радости шах.

Владыке недобрую весть привезя,
Усталый и злой Зард слезает с коня.

Узнал Моабад о счастливом Виро,
О доблестной Вис, о поникшей Шахро.

Насколько была эта свадьба роскошна,
Внимал Моабад, что внимать было тошно.

«Ответь, верный Зард, что сейчас рассказал,
Узнал от кого? Или сам увидал?

Ведь уши не могут так чувствовать правду,
Как свойственно правду почувствовать взгляду»

«Я сам видел то, что тебе говорил.
А сплетни людские в себе утаил.

Дворец их украшен, как рай. Но забыться
Хотелось в пути мне, как после темницы».

Несчастье обрушилось тяжестью всею
На душу владыки. Подобная змею,

С разбитою камнем, кривой головою,
Душа извивалась, не зная покоя.

И пенилось сердце у шаха немого,
Как полная чаша вина молодого.

Среди царской знати расходится ропот.
Ему вторит женского общества шепот.

Кругом возмущенье. Шакро виновата!
Обман и обиду покроет расплата.
Гнев шаха спалит Хамиан! И в золе
Оставит его плодородьем земле.

Простой обыватель в стране понимает –
За глупость супруги Каран пострадает.

О дикой тигрице в невесте, узнав,
Влюбился шах враз, тяжело задышав.

Его мечтой тешатся алчные руки.
Снести невозможно убийственной муки.

Во гнев обратилась любовная страсть.
Владыка намерен войною напасть.

Диктуя писцам, исторгает шах речи,
Ужасным вулканом отравы и желчи.

Писцы записали владыки призыв.
Его, как исторгнутый недрами взрыв,

Во все концы света разносят гонцы.
Царям оглашают посланье чтецы.

И вот! Из Дейстана, Турана, Мачина,
Из Индии, Синда, Тибета и Чина,

Из многих других стран, потоками вод,
Стекаются армии в общий поход.

Стоит необъятное войско, что море,
У врат Моабада предвестником горя.

Шахро обвинил шах в большом святотатстве,
И перед Всевышним в нарушенной клятве.

До царства Карана дошла весть о том,
Что случилось оно Моабаду врагом

И что шах намерен с душою больною
Ошибку царицы исправить войною.

Цари, что на свадьбе Виро пировали,
Весьма негодуя, его поддержали.
И вот из соседних и дружеских стран
Идут быстрым шагом войска в Хамиан:

Громадная конница Арабистана,
Пехота отважных бойцов из Делама.

Полками на битву собралась громада,
Достойным противником для Моабада.

Владыка пред войском ладонь поднимает.
Махнув ею, трогаться повелевает.

Земля задрожала, как двинулась рать.
Калека не мог на ногах устоять.

И вышли войскам шахиншаха навстречу
Войска у Виро на кровавую сечу.

Напротив друг друга две армии встали.
Герой вдохновляется крепостью стали.

Храбрец отличается ликом весёлым.
Трус виден потерянным и утомлённым.

Никто не готовится жизнь потерять.

Любой ради жизни готов убивать.

Вот громом гремят с двух сторон барабаны.
Ревут жутким чудищем трубы, фанфары.

Уже провожает литавр ярый бой
Заранее души на вечный покой.

Растёт скорость ритма! Растёт страшный шум!
Темнеют глаза! Притупляется ум!

Подобно тому, как вздымается море,
Приходят войска в исступление вскоре,

И вдруг, закипевшие злобой слепой,
С отчаянным криком бросаются в бой.

И дрогнули горы от их столкновенья,
В округе едва устояли строенья.

И души взметнулись от падших голов,
Как листья от бури с осенних лесов.

В поту! Вместе с кровью! Своей и чужой!
Мужи одержимы жестокой резнёй.

В поднявшейся пыли, подобной ночи,
Что молнии, всюду сверкают мечи.

Проворные копья пронзают сердца,
Подобно любви, охватившей юнца.

Разящий – являет судьбы скоротечность.
Сражённый – внимает Пути бесконечность.

От крови земля, словно дождь лил обильно,
Глядится квашнёй виноградной давили.

Лежат горы трупов. Меж ними местами
В потоки стекается кровь ручейками.

Владыке неведомы ратные беды.
Он ждёт терпеливо час полной победы.

Идёт день на спад, розовеет закат.
Помалу стихает сражения ад.

Виро сообщают о смерти Карана.
Ему эта весть! Что глубокая рана!

Убит отец Вис! Воспитатель его!
Исполненный ярости, славный Виро

Взывает к атаке всех, кто уцелел.
Внезапным ударом, что тучею стрел,

С отчаянным криком ведя за собой
Отважных бойцов, он бросается в бой.

Бесстрашная доблесть, как верное средство,
Врага обратила в позорное бегство,

Потоком, спадавшим по склону горы,
Но только окажется, что до поры.
Светило вдали за песками сокрылось.
На небе вечернем луна появилась.

В молчании скорбном дружина бежала.
Достоинство шаха ужасно страдало.

Он думал: «Исчезло владычества счастье.
Его до кончины постигло несчастье».

Довольный Виро не предпринял погони,
Себя представляя – в Мараве на троне.

Но вдруг! Нападают со свежою силой
Геланцы с холмов громогласной лавиной.

Полвойска бежит у Виро недостойно.
Он ждёт с храбрецами сраженья спокойно.

Владыке доносят! Что бьётся Виро
С геланцами! Шах поднимает чело.

И сразу! Коня развернув, Моабад
Летит грозной бурей с войсками назад.

Прибыв к месту битвы, бойцы Моабада
Под светом луны, словно черти из ада,

Усталое войско Виро окружают,
Что воинов доблестных быстро теряет.

Удача владыки теперь налицо.
Войска Виро взяты врагами в кольцо.

Виро ради жизней героев сдаётся,

В глаза победителю гордо смеётся.

Когда Вис узнала о том, что случилось,
В ней словно дыхание остановилось.

Она говорила кормилице так:
«В душе моей царствует ужас и мрак.

Несчастней меня никого нет на свете.
Я мучаюсь рыбой, попавшейся в сети».
Приносят послание от Моабада.
Оно! Для невесты – несноснее смрада!

«О, солнце души моей, – няня читает, –
(Начало такое девицу пугает)

Пусть сердце твоё обретёт утешенье.
Пусть разум затихнет в лучах озаренья.

Угодно Создателю, чтоб ты смирилась
И воле Его как дитя покорилась.

Судьба, если молвит, то молвит железно.
Противиться воле её бесполезно.

Нам знаки небесные то говорят!
Осталось пройти только свадьбы обряд.

Ты мне предназначена Высшею Волей.
Ты будешь гордиться счастливою долей!

Судьбе подчинившись – получишь по праву
Ты трон во дворце! И всемирную славу!

Ты станешь хозяйкой несметных сокровищ!
И дерзость лихую величьем покroiшь.

Моя душа настезь тебе отворилась.
Я жду твоё слово. Надеюсь на милость».

Вис, слушая чтиво с тяжёлым терпеньем,
Почла его гадостью и оскорбленьем.

Устами медовыми с горечью слов
Девица, что роза с угрозой шипов,

Диктует посланнику дерзкий ответ:
«Величия много, но совести нет!

Похоже ты глух! Я кричу тебе в уши!
А ежели глуп! То внимательно слушай!

Поступки твои, что одна чертовщина,
Мне кажут понятно, какой ты мужчина.

Каким бы ни стал моложавым красавцем,
Ты будешь всегда оставаться мерзавцем.

Как можешь, родителя девы убив!
Ты ей выражать свой любовный порыв!

С ума не сойти так от муки и страсти,
Как ты, отупел от богатства и власти.

Оставь для себя всё величье и славу,
Ничтожной натуре своей на забаву.

Брось ради себя бесполезное дело.
Я лучше умру, чем отдам тебе тело.

Уж если судьба надо мной посмеялась,
Что я после свадьбы девицей осталась,

То глупо считать, будто может чужой
Познать непорочную деву женой.

Забудь про меня ради собственной пользы.
Иначе познаешь ты горе и слёзы».

Постыдная жатва

Когда шах внимал от красавицы речь,
Не знал, как от боли себя уберечь.

От боли чудесной, возвышенной боли,
В любви утопал он всё боле и боле.

Дала Вис забыться в уме часовому,
Наивно сказав о невинности к слову.

За это шах Вис обожал и хвалил.
От радости даже слезу уронил.

Особой волною поднял настроенье
Ему свыше посланный знак провиденья.

На брачную ночь, от смущения мучась,
Сносила красавица женскую участь.

Нелепость природы случилась до ложа.
Как нежно ни пахла бы девичья кожа,

Виро надлежало уважить закон.
Уважил. И близость отнёс на потом.

Но после куплета не стало припева.
Осталась невинной желанная дева.

Однако владыку отказ угнетает.
Чего предпринять – повелитель не знает.

Терзается этой бедой Моабад.
Рамин ему внемлет. Задумался Зард.

Грусть братьев унылою делает ночь.
Рамин знать не может, чем горю помочь.

В глубинах души он страдальца жалеет,
А слов бесполезных промолвить не смеет.

Зард шаху рисует, как ставится мат,
Где пешками ферзя берёт Моабад.

Советует Зард подступиться с того,
Чтоб выслать с дарами письмо для Шахро;

И шаху на сладкую речь не скупиться.
Пусть щедростью царской Шахро восхитится.

Владыка одно из хранилищ открыл
И гору богатства Шахро снарядил.

В поклаже – и золото, и украшения,
Больших ювелиров литые творенья;

С одеждами царскими сто сундуков;
Ларцы с самоцветами редких цветов;

Диковины чудные сказочных стран
Дополнили длинным хвостом караван.

Подаркам сопутствует шаха письмо,
С речами пьянящими, словно вино.
Но с ними, царицу грехом попрекая,
Мистической жутью изрядно пугая,

Владыка напомнил о клятве законной,

О воле небесной, судьбе предрешённой.

Девичья сохранность дала ему повод
Оказию с нею припомнить как довод.

За благо почёл и мечом погрозить,
Страну Махи полностью опустошить.

В конце он добавил, ход сделав конём –
Виро возвеличит великим царём.

Шакро признавала себя виноватой,
За то, что забыла о клятве проклятой.

Но если она, почитая законы,
Отдаст Моабаду родную дочь в жёны –

Вис будет царицей всего Хорасана.
Шакро станет править землёю Хойстана.

Богатства доставлены новой хозяйке.
Дары шахиншаха стоят на лужайке.

Шакро показалось, она никогда
Не видела горы такого добра.

В сознании женском сомнение бродит.
Неясное чувство весьма беспокоит.

Царица глядит на созвездия в небе:
У Льва в когтях Рак! А Весы жмутся к Деве!

И Овен от страха с Тельцом отдалились!
В борьбе Близнецы меж собою сцепились!

Скривил Стрелец лук! Шип занёс Скорпион!
Готов Козерога ужалить им он!

Какое ужасное расположение!
На разум Шахро нападают виденья!
Знамение это настоль роковое!
Что лучше не знать, что бывает такое!

Шакро полагает, что прав Моабад,
Что именно ей предвещается ад.

Она паникует! Истерика! Слезы!
Невеста, не видя смертельной угрозы,

Рукой утешает дрожащую мать.
Вис верит – зло речью возможно поправить;

Считает – беду разрешит договор,
Надеясь на честный прямой разговор.

Готова она превозмочь жуткий рок.
Но шаха никто вразумить бы не смог.

Он был одержим обаянием Вис,
Напорист как бык и хитёр словно лис.

Растаяли звёзды с печальной луною.
Всё небо затянуто чёрною мглою.

Вис вышла во двор. Как на гибель идёт.
Не видно во тьме, кто красавицу ждёт.

Вот девичий запах, любви аромат
Вдыхает во мраке хмельной Моабад.

В нём жизнь расцветает от Вис естества.
Девушка стоит – ни жива, ни мертва.

Её прошибает от ужаса пот.
Шах, славя судьбу, слёзы радости льёт.

Несчастную Вис в паланкине просторном,
Рабы поднимают в молчанье покорном.

Летит паланкин в окружении свиты.
Владыкой сердечные муки забыты.

Узнав, что похищена милая Вис,
Виро был повержен, однако не скис.
В ином виде чувство его возродилось.
Ко множеству женщин душа устремилась.

Он стал любить разных девиц, не похожих,
Подумав однажды в мечтах осторожных –

Дышать ненадёжно фиалкой одною.
Цветочною клумбою – дело другое.

Чем больше любовниц, тем лучше. Конечно,
Своё озаренье проверив успешно,

Он с девами скопом устраивал шалость.
И истина эта всегда подтверждалась.

Виро полагал – пострадав от несчастья,
Заслуженно жнёт изобилие сласти.

Блаженной улыбкой удачу признав,
Шах едет верхом, возвращаясь в Марав.

Невеста при евнухах. Смотрит Рамин.
С томительной нежностью на паланкин.

Там дева. Она источает собою
Флюиды блаженства воздушной рекою.

Вдруг ветер поднялся по воле небес,
Сорвал с паланкина его занавес.

Из туч ослепительным светом на миг,
Заметен девичий пленительный лик.

Как жалкого мига Рамину хватило,
Чтоб он потерял себя – необъяснимо!

Его сердце словно пронзила стрела.
Лишь алая кровь по груди не текла.

Что душу украл чародей чёрным взглядом!
Что ум помутил алхимическим ядом!

Похоже Рамин до скончания дней!
Блуждать обречён на просторе полей!
И мрачною тенью навеивать страх
Разбойникам беглым в безлюдных местах.

Пред ним в одночасье померк белый свет.
Часы растянулись на тысячи лет.

Казалась, душа на две части порвалась.
Одна слилась с Вис, а другая осталась

Больной и беспомощной мучить его
Стремленьем срастись с половиной в одно.

Он словно столкнулся с неведомой силой,
Что волю безжалостно поработила.

Он может одно – созерцать паланкин.
Пока живёт этим влюблённый Рамин.

Его понимает лишь ветер, что друг,

Неся запах девы, снимавший недуг.

Марав был подобен желанному раю,
Волшебным убранством владыку встречая.

Казалось, что люди не зная о зле,
Ходили по золоту, не по земле.

Веселье повсюду! Прекрасные лица!
Охвачена праздником шумным столица!

Улыбки красавиц глаза ослепляют!
Всем городом люди владыку встречают,

Его поздравляя с прекрасной невестой
И скорою свадьбой, всем царствам известной.

За сутки закончились приготовления.
Шах празднует свадьбу без дня промедленья.

Душа его вышла из страшного мрака,
Ручьём серебра из отходного шлака.

Смеётся владыка! Пирует весь город!
Все счастливы. Шах самочувствием молод.
Вис в зале богатом с мохнатым ковром,
Как пленница гибнет в подвале сыром.

То плачет бесшумно, то плачет навзрыд.
Румянец исчез с нежной кожи ланит.

Она похудела. Глаза отекли.
Не хочет Вис жить, но боится петли.

Супруги сановников Вис окружают.
Невесту напрасно они утешают.

Их видеть и слышать не может девица.
Готова под землю она провалиться.

К стене отвернувшись в тяжёлом страданье,
Их речи она презирает молчаньем,

Дрожит от их слов, будто лань от погони.
Лицо бледной Вис закрывают ладони.

Кормилица верная, только узнав,
Что шах увёз силой девицу в Марав,

Жалела её и проплакала ночь,
За Вис беспокоясь, по сути, за дочь.

В дорогу она караван снаряжает,
Любимые вещи для Вис собирает;

Все трудности в долгом пути испытав,
В обеденный час прибывает в Марав.

Кормилица смотрит на жалкую Вис,
Не зная на свете несчастнее лиц.

В Мараве чужом оказавшись вдвоём,
Они обнялись. Слезы льются ручьём.

От горя речь девушки стала невнятной
И выглядит внешность её неопрятной.

Цвет сада осыпали злые ветра.
Всем сердцем желая покоя, добра,
Кормилица долго её убеждала,
Чтоб дева себя истязать перестала.

Но та с кулачками, с накалом строптивым:
«Мне лучше не жить, чем лежать с нелюбимым!»

Тогда говорит ей кормилица так:
«Безумною статься – тебе не пустяк.

Ведь шах со своею больной головой,
Любить будет больше тебя таковой.

Как вышло, что близости шах не предался?
Да горем твоим Моабад наслаждался!

Ты только погубишь свою красоту –
Безумца любовь обретёт высоту».

Владыка тем временем счастлив беспечно,
Вручает дары всем подряд бесконечно.

Волшебное дело

На благо кормилица ложь применила
Иначе девицу бы не убедила.

О виде запущенном слушая няню,
Идёт отрешённая девушка в баню.

Кормилица моет ей волосы, тело,
Его умащая маслами умело.

Со вкусом уложены в локоны пряди.
Опять Вис – во свежем, прекрасном наряде.

Украшено обликом Вис ожерелье.
Однако царице противно веселье.

Ей жизнь не мила. Опускаются руки.
Грозят гордой девушке гибелью муки.

И словно судьбе предложив компромисс,
К кормилице так обращается Вис:

«Боюсь его ложа я больше позора.
Спаси же меня волшебством заговора.

Лиши Моабада магической силой
Мужской его силы, с любовью постылой.

Возьму я кинжал или лакомство с ядом,
Чем лягу с ничтожеством радостным рядом.

Убью ведь себя! Если ты не поможешь.
Тогда ничего уже сделать не сможешь».

Шах словно дремал в состоянии благом,
Не зная, что Вис затаилась врагом.

Он, может, и ждал бы любви терпеливо,
Прося иногда о ней кротко, учтиво.

Но даже и это девицу пугает.
На няню сильнее она нажимает,

Её убеждая отчаянно, смело –
Не медлить! И сделать волшебное дело!

Когда Вис мольбою зашла далеко,
Раскрылись у няни глаза широко.

Тогда она, мрачно мерцая глазами,
В ответ говорила такими словами:

«Я сделаю это. Но только на год.
Твоё отвращение, может, пройдёт».

Затея для жизни обеих опасна!

Вис молвила няне: «Конечно. Согласна».

Себе дав зарок, чтоб не делать так впредь,
Колдунья, взяв жёлтую, красную медь,

Сготовила два талисмана легко –
Подобье её и подобье его;

Скрепив их железом, прочла заклинанье.
Исполнено стало девицы желанье.
До снятия чар пройдёт время немало.
Колдунья металлы в земле закопала.

Бессилен стал шах в отношении Вис.
И, как бы его ни манил её низ,

Он лишь будоражит рассудок соблазном
В лесу вожденья его непролазном.

На жалких врачах вымещая свой гнев,
Шах снова, как в нём успокоится лев,

Глощает брезгливо и морщится строго,
До пыли измолотый рог носорога.

Хоть коготь орла, хоть иглу дикобраза,
Любой порошок принимает напрасно.

Вдобавок случилась оказия вскоре.
Принёс ветер тучу огромную с моря.

С неё хлынул ливень стихийный такой,
Что почву на поле смывало водой!

Муть буйных потоков своим наводненьем
Сносила дома бедняков за мгновенья.

Где два талисмана колдунья зарыла,
То место вода беспощадно размыла.

Так случилось, что будет теперь Моабад
Не год и не два, а всё время не рад

Тому, если вдруг и окажет Вис милость,
Он вряд ли решится на плотскую близость.

Весьма сожалея, что вред наводненья
Принёс Моабаду такое лишение,

Ему омрачённая ведьма подобна,
Полезный обряд совершить не способна,

Лишь подлую тучу кланя, горячилась.
Что делать? Смириться. Уж так получилось.

Загадочным видится людям Рамин,
Блуждает везде неизменно один.

По улицам города призраком бродит
И места нигде для себя не находит.

Страдает душа его словно в аду.
Он часто таится в дворцовом саду.

Его укрывают сирени кусты.
Упав на колени, он просит цветы,

Чтоб те передали Вис несколько слов:
«Я скоро умру от сердечных оков.

Рамин – моё имя! Влюблён я в тебя!
Я, словно мертвец, существую любя!

Есть тайна! Я стану живей всех живых,
Коснувшись устами ладоней твоих.

Счастливей меня во сто крат соловей.
Он песню поёт для подруги своей,

В которой звучит сладострастия стон.
А я вижу собственной гибели сон.

В тебе сердце тоже есть! Тоже ты дышишь!
Но песню любви моей только не слышишь.

Заснуть, как все люди, уже не пытаюсь,
Гремучей змеей, на тахте извиваюсь.

А если меня поглощает дремота,
То ложе меня тянет вниз, как болото.

Когда встают слёзы в гортани, что комом,
То грудь сотрясается грозами с громом.

Тогда изливаются слёзы ручьём
И молит о смерти душа соловьём».

Кормилица мирно по саду гуляет.

Ей слышится, кто-то в сирени стенает.
Приблизившись тихо, как вьющийся полоз,
Она узнаёт обессиленный голос.

Тут вздрогнул Рамин, как почувствовал, что
К нему подошли, нежно тронув плечо.

«О Вис!» – он подумал без капли сомненья.
Реальность граничила с воображеньем.

Увидеть кормилицу – не ожидая,
Он падает в ноги ей, горько рыдая.

Она поднимает его, как больного.
К себе прижимает, как сына родного.

«Я видел её, – говорит ей Рамин, –
Когда занавеса ... когда паланкин ...

Я видел её», – он в бреду повторяет.
Сложиться словам – ему слёзы мешают.

Принц Вис полюбил – сердцу женскому ясно.
Прекрасное чувство! Но это ужасно!

«Она вышла замуж. Ты сам это знаешь.
Напрасно себя ты надеждой терзаешь».

«О нет! Я люблю не по собственной воле.
Ведь я задыхаюсь от горя и боли».

«Все люди страдают от личного мненья.
Ты в помыслах тяжких творишь преступленье».

«Закон! Для стихии любви? Он – смешон».
А войны по миру – какой чтут закон?»

«Зло – войны творит. И война творит – зло.
Любовь призывает нести в мир добро».

«Мир Вис наполняя добром и любовью,
Спасу её! Оба расстанемся с болью».

«Ты здорово в мыслях её возвышаешь.
О странностях нрава её ты не знаешь».

«Любовь открывает особое зренье.
Я видел её, слыша сердце биенье».

«Ты – брат Моабада. Она разозлится.
С её гневом львица не сможет сравниться».

«Тогда ты расскажешь о тайне сердечной,
Что царствует в душах владычицей вечной».

«Пойми, мальчик мой, она любит другого!»
Рамин разрыдался в беспамятстве снова.

Тонув в забытии, что как море безбрежно,
Целует он руки кормилицы нежно.

Наитие женское чутко находит,
Что трепет любви на неё переходит.

Ладони от губ оторвав восхищённо,
Промолвила женщина принцу смущённо:

«Не надо, Рамин. Я тебя поняла.
Берусь я решать твоей страсти дела.

Мы встретимся завтра в полуденный час.
Иду говорить с нею прямо сейчас».

Вис думает грустно про жизнь человечью.
Кормилица входит с готовою речью.

«О Вис, моя девочка, ты ведь – царица!
Зачем так печалишься, словно в темнице.

Вся сжалась от мук. Как себе же не друг.
Твой стан кипарисный сгибается в лук.

Доверься Творцу без обиды и ссоры.
Нет в мире превратном надёжней опоры».

Вис медленно, чувствуя новь перемен,
Головку свою поднимает с колен.

Где сумрачно было, там сделалось ясно.
В алмазных слезах дева ликом прекрасна.
Просвет её взора и проблеск духовный,
Дают няне ход для затеи любовной.

«О Вис, люди в мире напрасно страдают.
Не помнят, что временно тут пребывают.

Наш мир – Остановка, а жизнь это – Путь.
Не боль, но блаженство – Создателя суть.

Меняется Всё. Неужели на радость
Мы будем смотреть, как на пошлую гадость».

Дыханье кормилица тут задержала.
Ей кажется – лишнее слово сказала.

У Вис возмущённой нахмурилась бровь.
Заминку минуя, кормилица вновь:

«Создателя Мудрость постичь тебе надо.
Она в чистых душах – как Высшая Правда,

На свете Она – как Весы в Равновесье
Меж Злом и Добром, между Тайной и Вестью,

Себя проявляет везде и во всём.
Бедняк светит дыркой, но блещет умом.

Герои в бою изливаются кровью,
Но лечатся славой и женской любовью.

А грустью одной человеку не жить.
Кто рад – богатеть! Кто – творить! Кто – любить!

Вот жёны, что в семьях живут как в огне,
Заводят любовников на стороне.

Здесь всё – в равновесье! Везде рай и ад!
К примеру – Рамин и твой муж Моабад.

Рамин – славный парень! Ещё холостой!
Живёт в умах девушек сладкой мечтой».

Тут брови у Вис поднялись высоко.
Алеет тревогой лица молоко.

Себя пересилив, подумав – Смелей!
Уж коли взялась, – няня молвит быстрее:

«Жаль девушек тех. Не видать им Рамина.
Душа у него до безумства ранима.

Вы схожи, – вещает колдунья любя, –
О Вис дорогая! Он любит тебя!»

Отбросив от сердца живой интерес,
Вис кратко ответила, но наотрез:

«Прекрасно Хосров наглецу замечал:
«Болтай – что угодно, коль стыд потерял!»

Подумала няня: «Надежды рука
У юного принца весьма коротка».

По опыту зная – случается лад
Вхождением в град с засекреченных врат,

Она продолжает ломать оборону,
Склоняя Вис – следовать Жизни Закону.

«Судьба даёт – разное, но не одно.
Любому своё лишь познать суждено.

Всегда человек ищет счастье земное.
Всегда получает он нечто иное.

Судьбу не изменишь ни тайным ученьем,
Ни делом плохим, ни благим поведением.

Случится с тобой – что судьба начертает!
Никто ни прибавит! Никто ни убавит!»

Но Вис неподвижно стоит на своём.
О молодость! Мыслит, что режет ножом.

Скорей раскроит! Чем сошьёт одеяло.
Всегда делит Истину на идеалы.

«Но, няня, я вовсе не спорю с судьбой.
Я лишь о расплате толкую с тобой.

Всегда когда люди грехи совершают,
За это возмездие души карает».

«Ох, Вис, ты же смерти своей не боялась!
А тут справедливой цены испугалась.

Кто знает любовь, тот не ведает страха.
Любовь наделяет могуществом шаха.

Людей за любовь не винит Вседержитель.
Она самой жизни – извечный носитель.

Любовь – что чистилище, нас обновляет.
Не важно, карает ли, иль ублажает.

Кто жить на земле не способен любовью –

Живёт суетою с духовною болью.

Такие себя возвышают царями,
По сути, являясь лесными зверями.

Но тех, кто живут в состоянье любви,
Молва называет простыми людьми.

Любовь – это ветер, что гонит туда,
Куда его мощь направляет судьба.

Что скажет любовь, то и сделаешь ты.
«Оставь мечты», – скажет. Оставишь мечты!

Тобой полюбуюсь, когда ты полюбишь.
Свой лепет заносчивый сразу забудешь.

Под солнцем со льдины стекает вода.
Приятнее таять, чем стыть в холода.

Стекающим каплям по женским ногам
Цена равнозначна высоким дворцам.

Когда убедишься, что станется так –
Поймёшь, что я – друг твой, а вовсе не враг».

Рамин и кормилица встретились снова.
Он жаждет беседы и доброго слова.
«Рамин, – дружелюбно она обратилась.
У юноши сердце сильнее забилося, –

Сказала я Вис о тебе, о любви.
Она разозлилась на это, увы.

Сверкала глазами, как дикая кошка,
Что даже и я напугалась немножко.

Послушай царицы разумный совет,
Твоей недоступной богини завет:

Рамин! Не сворачивай с верной равнины.
В овраг безответной любви и кручины.

Чего хочешь ты от меня получить?
Уймись. Развлекись. Ведь не мне же учить!

Надежду отбрось, как ненужное бремя.
Не стать нам четой. Не растрачивай время!

Прекрасное чувство своё не губи.
Ведь девушек много достойных любви.

Я очень надеюсь, что ясно сказала.
Забудь имя Вис, как его не бывало».

Бледнеет Рамин. Опускаются веки.
Бушует пожар в молодом человеке.

Кормилица вновь говорит осторожно,
Что счастье взаимной любви невозможно:

«Мне Вис наказала, притопнув ногой,
Чтоб я никогда не встречалась с тобой.

Опасно любовью её волновать.
Я больше не в силах тебе помогать».

Рамин содрогается тихим рыданием.
В словах запинаясь, с неровным дыханьем,

Он так говорит: «Не бросай меня в горе.
Тону обречённо в бушующем море.

О сжался! Никто мне не сможет помочь.
Молю, передай обращение точь в точь:

Любовь моя, Вис! О царица души!
С толпою равнять меня – ты не спеши!

Не режь моё сердце ответом беспечным!
Клянусь, я готов быть слугой твоим вечным!

А если покинет в печали большой,
Любовь моё тело, то только с душой».

И тут же представив нечаянно смерть,
Рыдает отчаянно. Больно смотреть.

Недолго кормилица духом крепилась.
С такой речью к уху Рамина склонилась:

«Рамин, чтобы нам избежать злключения,
Надень на любовь свою панцирь терпенья.

Влюблённого часто преследуют беды.
Будь сдержанным ради любовной победы.

Кольчугу бесстыдства одев на себя,

Я снова иду говорить за тебя».

Изрядно цветистых речей заучив,
Идёт няня к Вис, словно призрачный див.

Головку склонив, как вечерний цветок,
Вис ищет уныло значение и толк

В своём пребыванье на бренной земле,
Где искоркой тлеет в пугающей мгле.

«О Вис, тебе надо с судьбой помириться.
Всему Хорасану ты стала царица.

Зачем злобой душу свою выживаешь.
Душа твоя любит тебя! Ты не знаешь?

С тобою Рамин схож своим положеньем.
Его! За любовь! Ты караешь презреньем!»
Едва няня прежнюю тему открыла –
Пылая огнём, Вис её перебила:

«Ах, гадкая сводница! Снова развратом!
Заняться велишь с Моабатовым братом?!

Как смеешь служить ты его увлеченью!
Как смеешь во мне возбуждать вожделенье!

Зачем меня мать отдала в твои руки!
Что учат распутству, как важной науке!

Но знай, что задача твоя не легка –
Позором покрыть мою честь на века!

Что случилось с тобою? Советуешь пасть?
Мужчины унизили женскую страсть!

При мне говорил, хохоча Моабад,
Что женскую страсть не пугает и ад.

Им похоть дороже богатства и славы.
На всё идут ради любовной забавы».

Мужчины смеются над женщиной, знаю.
На улице стыд потерять – не желаю.

Об их мужской низости зная прекрасно,
Не дура же я – отдаваться им страстно!

Не так я мудра, но сумела постичь –
Им, хитрым охотникам, женщина – дичь.

Они полагают, что женщина падка
На ласки любви, как на хлеб куропатка.

Речами, как мёд, они ум усыпляют,
Клянутся у ног, веселят, одаряют.

Но страсть утолив, кажут женщине скверно
Свой норозаносчивый, высокомерный.

Подругою словно устав восхищаться,
Желают с другою скорей повстречаться.

И так же, как с первою, так со второю
Поступят и хвалятся – Я, мол, герой!

А ей, оклеветанной блудом, позором,
Придётся таиться непойманным вором.

Одним будет любо над ней возвышаться.
Другие возьмутся её помогать.

Нет! Я не желаю познать эту жуть.
Создатель открыл мне божественный путь.

Иди объясни своему удалыцу –
Я жизнь посвящаю Владыке-Творцу!»

Теперь для колдуньи становится ясно –
Здоровому разуму Вис не подвластна.

Смекает кормилица – Вот что случилось!
От горя девица умом помутилась.

Дарить дар Творца! И Ему же обратно!
А чем будешь душу растить? Непонятно.

Она «посвящает»! Немного полечим.
Любовью – мы душу растим! Больше нечем!

Колдунья читает в уме заклинанье.
Строптивостью Вис огорчённая крайне,

Она говорит ей: «Послушай меня,
Не ради Рамина, но ради тебя,

Любовь воспеваю как таинство жизни!

Сильнее она, чем к себе, и к отчизне!

Служу я тебе, как забывшись во сне!
Твоё наслаждение сладостно мне!

Когда ты страдаешь – страдаю и я!
Меня, если лгу, пусть ужалит змея.

Послушай судьбу! Ты две свадьбы сыграла,
А сладости плотской любви не познала.

Из многих попыток ведь можно ни разу,
Ни с кем не приблизиться страстью к экстазу.

Пойми ж наконец! Отдаваясь Рамину,
Взлетишь ты, как птица на Чудо-Вершину!

Поверь, лишь Рамина любовные ласки
Насытят восторгами тело до тряски.

В себе обнаружив к полёту способность,
Ты ясно почувствуешь счастья возможность.

Что проку тебе – обладать красотой
И в небе блаженства не плавать луной.

Ты сохнешь фиалкой в палящей пустыне.
Ведь женщине должно – отдаться мужчине.

Пока они нежно целуют друг друга,
Нечистая сила, что водит по кругу,

И душу людскую, и ум человеческий,
Бессильная перед любовью извечно,

Не может наделать таких миражей,
Чтоб разум скривить у влюблённых людей».

Сам дьявол подсказывал образы эти
Колдунье, плетущей любовные сети.

Девушка, ничем возразить не сумев,
Внимала соблазнам, душой обомлев.

И снова колдунья в глаза смотрит смело:
«Да, разве железо – твоя плоть и тело?

Как можно так мучиться. Ты ведь страдаешь!
Но только причины страданий не знаешь.

Подкравшись, ко всем подселяется старость.
Тогда не жалея, что не тешила младость.

Ты как бирюза потеряешь свой цвет.
Не только любви, не найдёшь и бесед».

Молчит Вис. В раздумьях умом улетает,
На няню доверчивый взор обращает,

Вокруг себя ходит вниманьем нескорым.
Всё деве знакомо, но видится новым.

На няню глядя согревающим светом,
Вис молвит: «Прости, что обидела бредом.

Ты правду сказала. И стало мне видно,
Её признавать человеку обидно.

Моя гордость правдой, что пикой пронзилась,
Поэтому я на тебя рассердилась.

Зачем становлюсь я жестокой и злой?
Мне надо поменьше общаться с тобой.

Твой добрый порыв сострадателен, чуток,
Но только толкает на скверный поступок».

Во третий раз няня находит Рамина.
Печальней печального видит картину.

«О бедный Рамин, ты глядишься ужасно.
Но силы свои ты теряешь напрасно.

Огонь никогда не живёт на воде,
И ветер не ходит послушно в узде.

Так в сердце жестоком любви не бывает.
Оно это чувство всегда отвергает.

Скале громко скажешь – ответит скала.
Но Вис никогда – ведь бесчувственна! Зла!

Старанья мои были тщетны, похоже.
Не манит девицу любовное ложе.

Её не пронять колдовским обаяньем;
Любви не разжечь никаким заклинаньем.

Сама удивляюсь. Бессильно искусство!
Избавься, Рамин, от опасного чувства».
Спокоен Рамин. Смотрит в небо он гордо.
И молвит кормилице тихо, но твёрдо:

«Её извожу я любовной тоскою.
Вис просьбу исполню. Оставлю в покое.

Слугой быть её – присягнув вдохновенно,
Исполню желание Вис непременно.

Спасибо, кормилица. Можешь идти».
У няни кольнуло иглою в груди.

«Скажи мне, Рамин? Что задумал такое?
В виду имел что? Говоря о покое?»

«Живым я её никогда не забуду.
Лишь мёртвым я Вис беспокоить не буду».

У няни в глазах появляются слёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.